

Автомобиль Глеба Корозова двигался по улицам пригорода. Как во многих периферийных городах, пригородные дороги тут оставляли желать лучшего. Выбоины на асфальте раздражали водителя. Когда рытвину невозможно было объехать, он крыл дорожников в хвост и в гриву.

Никола, так звали водителя, был хорошим профессионалом, водил авто аккуратно, берег. За свою шоферскую жизнь ни разу не побывал в серьезной аварии по его вине. А когда видел, как водители лихачили, не разбирая дороги, уверенные, что внедорожник проглотит любые ухабы, вертел пальцем у виска.

Был он средних лет, среднего роста и средней внешности. Обыкновенный, с какого боку ни приглядишься. Простое лицо с серыми глазами, чуть длинноватый нос, редкие волосы, наползающие на заметные уши. За рулем всегда сосредоточен. Держал его крепко, уверенно. Носил костюмы. И даже в сильную жару утром выходил из дому, держа в руках пиджак. Сейчас сидел за рулем в летнем сером костюме. Небольшой жиденький чуб — набок.

Дорога неширокая, в две полосы. Вдоль нее — редкие небольшие деревца. За ними — неяркие дома с потемневшими от времени деревянными рамами в окнах. По всей видимости, жильцы в квартирах были не очень состоятельными людьми. По большей части, вероятно, пенсионеры. Тротуары узкие, со стареньким полуразрушенным асфальтом. Людей мало. Отдельные торопливые пешеходы. В разрывах между домами можно было ухватить взглядом дворы с зелеными насаждениями.

Глеб не смотрел по сторонам, он сидел на заднем сиденье, задумавшись, погрузившись мыслями в проблемы своего бизнеса. Размышлял, хмурился, губы слегка шевелились, словно готовились раскрыться и дать волю голосовым связкам. Иногда по щеке пробегала слабая морщинка. Верхняя пуговица белой рубашки расстегнута, узел галстука ослаблен, полы

синего пиджака схвачены одной пуговицей. Руки на коленях, и пальцы механически постукивали по ним.

Когда машину чуть тряхануло на ухабе, Глеб оторвался от мыслей и глянул через боковое стекло.

— Скоро будем на месте, — весело заметил водитель.

Автомобиль выехал на оживленную широкую улицу с длинными высокими зданиями, с красочными вывесками над входами и на стенах. Широкая многополосная дорога, широкие тротуары с новым асфальтовым покрытием. Автобусные остановки с людьми и многочисленные пешеходы на тротуарах.

Корозов посмотрел на время: до офиса оставалось минут десять езды. Прижался затылком к подголовнику, сомкнул веки. Глубоко вдохнул, но выдохнуть не успел. Автомобиль резко затормозил. Глеба оторвало от спинки сиденья и бросило вперед, лицом на передний подголовник.

— Ты что, заснул? — возмутился, отталкиваясь назад.

— Хотел бы, да не дадут спать! — отозвался Никола, с изумлением смотря через лобовое стекло. — Взгляни, Глеб, цирк на дороге! Вход бесплатный! По контрамаркам! Билеты не нужны!

Корозов повел глазами по направлению руки водителя.

Охранник, высокий, как и Глеб, с полными щеками, носом с горбинкой, утопленным подбородком и темными короткими волосами, сидевший рядом с водителем, ошеломленно присвистнул. Потер ладони о черные штаны и зачем-то начал подворачивать длинные рукава у полосатой рубахи.

— Хорошее кино, — выдал и хохотнул.

— Неожиданно вымахнула, — пояснил водитель, — прямо перед машиной! Выпорхнула, как воробей из кустов, как чертовка из подувала! Едва успел затормозить, чуть не сшиб, будь она неладна! Ну настоящий цирк. Вот угораздило! Клоунада какая-то!

Корозов видел перед автомобилем красивую девушку с точеной фигурой, совершенно голую. Она медленно кружила в каком-то сумасшедшем танце, передвигаясь от обочины к середине дороги. Ветер подхватывал ее длинные черные волосы

и разметывал в разные стороны. Загоревшее стройное тело пластично изгибалось, привлекая внимание людей в машинах и на тротуарах. На дороге быстро образовалась пробка. «Чокнутая, что ли, — появилась мысль, — выбежала на улицу голая и чудит на асфальте. Или пьяная, или, того хуже, обколотая».

Девушка двигалась перед капотом машины. Глеб вглядывался в ее ухоженное лицо с красивым макияжем. Впрочем, и без макияжа оно не было бы хуже. Высокий лоб, большие глаза, брови вразлет, чувственные губы. Небольшая грудь, плоский живот, гибкие руки с узкими ладонями и длинными пальцами. Глаза смотрели отрешенно.

Не понимая, что означает это представление, Глеб озадаченно качнул головой: может, водитель прав, цирк и не более того.

Девушка миновала капот, и Корозов подтолкнул Николу, чтобы прекращал пялить глаза на голое тело, а нажимал на педаль газа. Однако внезапно она кинулась к дверям автомобиля. Распахнула пассажирскую дверь с его стороны и впиалась в Глеба умоляющими глазами:

— Спасите меня от них! Помогите!

Корозов оторопел. Он не видел никого на дороге, от кого нужно было бы спасать девушку. Он вообще не брал в толк, откуда она появилась. Никто в машине не наблюдал, как, прежде чем возникнуть на дороге, девушка выпрыгнула из салона синего авто, стоявшего на парковке. Впрочем, даже если б и заметили, все равно не знали, кто был в той машине.

Ее просящий взгляд не отрывался от Глеба. Поведение было вполне адекватным. Она не рвалась в машину, она просила. Испуганно и нерешительно. Все как бы указывало на то, что девушка впервые оказалась в подобных обстоятельствах, а потому ей было страшно и стыдно одновременно и на глаза наплывали слезы. Она ждала от него помощи с надеждой на лице.

Минута замешательства у Глеба прошла. По-прежнему не догадываясь, что творится, Корозов отодвинулся в глубь салона:

— Садись, — хлопнул рукой по коже сиденья по месту, где только что сидел сам.

Она мигом запрыгнула внутрь и плотно закрыла дверь:

— Уезжайте отсюда, скорее, умоляю!

Тревожно сжалась в комок, прикрывая руками голое тело.

Глеб, видя перед собой испуганные глаза девушки, спросил:

— Что, собственно, происходит? Почему ты голая?

Дал отмашку водителю. Тот тронул авто.

Пробка на дороге стала рассасываться. Машины медленно двинулись дальше.

Корозов ждал ответа. Ее длинные ресницы метались вверх-вниз, смахивая набегающие на глаза слезы. Пальцы нервно стискивались в кулачки у небольшой груди. Все ее судорожные движения определенно были связаны с одной мыслью: скорей исчезнуть не только с этой дороги, но и из этого города.

Когда автомобиль отъехал на приличное расстояние, девушка немного расслабилась и обмякла на сиденье.

— Как тебя зовут? — спросил Глеб.

— Ксения, — прошептала девушка.

Она заглядывала ему в глаза, понимая, что он ждал ответы на ранее заданные им вопросы, да, видимо, не могла быстро преодолеть пережитый стресс, чтобы все объяснить. Делала глотательные движения, но в пересохшем горле не было слюны, и она мучительно напрягалась от этого.

Тогда Глеб задал другой вопрос, на какой, по его мнению, ответить было проще:

— Куда тебя отвезти?

Ксения вздрогнула и опять посмотрела на Корозова умоляюще, словно он ее больно стеганул плетью вдоль спины:

— Не знаю. Они везде меня найдут.

— Тогда, может быть, в полицию? Там и разберешься со всеми.

— Только не это! — Ксения вцепилась ему в руку, и в глазах полыхнул страх. — Они убьют меня. Остановитесь! Я лучше выйду здесь!

— Вот так, голой побежишь? — спросил Глеб. Ее загадки все больше начинали возмущать его.

— Лучше так, зато живая! — Она лихорадочно удерживала руку Глеба.

— Нет, Ксения, так я тебя отпустить не могу, — пошевелился он, слыша поскрипывание кожи сиденья. — Хотя бы халатик какой-нибудь накинем на тебя, а уже потом иди на все четыре стороны, все равно не хочешь ничего рассказывать.

Девушка снова обмякла, но уже с облегчением, как бы обрadowалась, что ее не выставили голой из машины. Лицо стало спокойнее. Но опять ничего не сказала.

Глеб распорядился водителю подвернуть к магазину одежды. Никола припарковался. Корозов достал кошелек, протянул ему деньги, чтобы сбежал в магазин, купил женский халатик.

Водитель выкатился из салона авто, стремительно миновал тротуар, порожки невысокого крыльца и скрылся за стеклянной дверью. Минут через пять-десять выбежал с халатом в руках. Уцепившись за блестящие перила, поднял руку с покупкой над головой, показывая, что заказ выполнен.

Ксения с радостью приняла покупку и прямо в салоне ловко облачилась в нее, запахнувшись наглухо.

— Спасибо, — прошептала благодарно.

— Это не все, — сказал Корозов. — Теперь пойдь сама и выбери себе нормальную одежду.

Протянул деньги ей. Ксения виновато улыбнулась, взяла, открыла дверь и выпрыгнула на землю. Оглянулась на Глеба, словно боялась оторваться от него:

— Ты оставляешь меня одну?

— А зачем я еще нужен? Ты свободна! — ответил он, вспомнив, что у него сегодня полно всяких дел, глянул на часы.

В этот миг рядом с ними с шумом притормозил синий автомобиль, из него выскочили два парня, мгновенно подхватили девушку под руки и потянули за собой. Ксения успела уцепиться за ручку двери. Упираясь, крикнула Глебу:

— Спаси, умоляю!

— Не смей! — подался вперед Корозов.

В ответ один из парней выхватил пистолет, посмотрел угрожающе. Глаза были круглые, как шары, брови и ресницы белые, почти незаметные. Нос с широкими ноздрями, какие всякий раз раздувались, когда он вдыхал в себя воздух. Цветная рубашка с коротким рукавом — навыпуск, чтобы не виден был пистолет за поясом.

— Сиди и не шелести, старик! — произнес второй парень в серой рубашке с длинными рукавами, застегнутой на все пуговицы. — Это моя кукла! На чужой каравай рот не разевай!

Водитель и охранник на передних сиденьях оживились, нащупывая травмы.

Парень с глазами-шарами перевел ствол на них и привык, показав крупные, не очень ровные зубы. Второй парень предупредил:

— Не шуршать, иначе отправим к богу!

Ксения продолжала цепляться за дверь и с ужасом смотреть на Глеба.

— Что ему нужно? — спросил тот.

— Он выиграл меня в карты! — одними губами прошептала она.

Корозов вспыхнул, покрылся красными пятнами, повысил голос на парня:

— Вон! Отпусти девушку и убирайся вон!

— Не бухти, старик! — ответил тот, ломая лицо кривизной. Губы, нос, щеки, подбородок, глаза — все искривилось. — А то тебя пощекочем!

И дернул на себя Ксению:

— Зарежу как куропатку, кукла! Пошли!

Глеб заметил у него в руке нож, острие коего врезалось девушке под ребра.

От сильного рывка пальцы Ксении разжались, резкая боль под ребрами заставила подчиниться. Девушка закричала пронзительно и громко.

И тут на дороге позади синего авто круто застопорилась белая машина с заляпанными номерами, опустилось стекло и показалась рука водителя со стволом с глушителем.

В шуме мчавшихся автомобилей никто не слышал, как прозвучали два коротких хлопка. Пули прошли парней, напавших на Ксению. Те переломились напополам, как от сильных ударов сзади, и рухнули на асфальт. Только руки не выпустили ни ножа, ни пистолета. На их рубашках выступила кровь.

Дверь белой машины распахнулась, и оттуда громко раздались:

— Ко мне!

Девушка, не решаясь ни послушаться, ни подчиниться команде, раздумчиво медлила, бросая испуганный взгляд то на белую машину, то на Глеба.

— Считаю до одного! — разнеслось из машины. — Отправлю за ними!

Она как ужаленная сиганула к белому авто и скользнула в него. Машина сорвалась с места.

Все произошло так быстро, что никто не успел разглядеть стрелка.

Когда охранник Глеба выскочил наружу, белая машина ушла в переулок.

Корозов вылез из авто. Перед ним были два распластанных тела.

Одно неподвижно распростерто на асфальте лицом вниз, кровавое пятно на рубашке расплывалось посередине спины. Пистолет зажат в руке, вывернутой назад. Второе тело с кровавым пятном на левом плече рубахи и с ножом в правой руке стало шевелиться и медленно подбирать под себя ноги.

Глеб наблюдал молчком.

Наконец парень согнул их в коленях, оттолкнулся здоровой рукой от асфальта и привалился спиной к колесу автомобиля. Глаза лихорадочно вращались в глазницах.

Никола нагнулся над неподвижным телом с пистолетом. Пощупал пульс, поднял лицо, показал руками крест.

Охранник развел руками, показывая Глебу, что белой машины след простыл, и сунул травмы за пояс.

Никола переместился к раненому парню, наклонился над ним, чтобы оказать помощь, и в эту секунду неожиданно для охранника и для Глеба вскрикнул и повалился набок от удара ноги парня.

А тот вдруг отпрянул от колеса и подхватился с асфальта.

Охранник выхватил пистолет, потребовал:

— Финкарь на землю!

Но парень и не подумал выполнять его требование, крепче сжал в руке нож и затравленно осмотрелся. Рядом стоял Корозов. Водитель, ругаясь во весь голос, вскочил на ноги и изготовился к нападению:

— Ну, чмо, я тебе сейчас посчитаю зубы!

У парня левая рука обвисла, и сам он клонился в левую сторону. Но в горячке не чувствовал боли и ощущал неудобство лишь от того, что не владел одной рукой. И все же пытался сделать какие-то движения ею. Искривленное лицо было злым. Спина чуть сутулилась.

Все произошедшее для него определенно было полной неожиданностью. Из горла вырвался негодующий хрип. Надо же так угодить под раздачу: поймать пулю, едва не отправиться к праотцам вслед за своим напарником. Его вид показывал, что сейчас он готов на все.

Охранник снова выкрикнул:

— Ты что, оглох? Кому сказано, бросай ножичек!

— Не шелести, картавый! — выдавил парень. — А то я отсчитаю твои денечки!

Посмотрел на свою машину, стоявшую неподалеку. Между ним и ею маячила изогнувшаяся фигура Николы, готовая к прыжку.

— С дороги, моська, иначе пришью! — крикнул, глядя на водителя.

— Не валяй ваньку, парень, положи нож, — посоветовал Корозов. — все равно у тебя нет шансов. — И отвернулся.

— Это кто же тебе сказал, старик? — огрызнулся тот, поворачивая лицо к Глебу с бешеными глазами. — Не шелести напрасно! Ты мне поможешь!

Он неожиданно метнулся к нему и оказался за спиной.

Глеб ощутил, как сзади рука парня скользнула ему под пиджак, а затем испытал резкую боль в пояснице от укола ножом. Злясь на себя за то, что не предугадал такого поворота событий, он резко сделал крупный шаг вперед. Оторвался от парня и повернулся к нему лицом, заноса кулак над головой. Но тот нырнул под кулак и плотно прильнул.

Острие ножа уперлось Глебу в живот:

— Не маши граблями, старик, а то проткну, как новогодний шарик! — пообещал, сильнее вдавливая нож. Покосился на водителя: — С дороги, моська, иначе из твоего шефа потроха выпущу!

Никола обеспокоенно дернулся, не зная, как ему правильно поступить, зацепил взглядом охранника.

Тот был тоже в замешательстве. Однако быстро сообразил, как отрезать путь к отступлению. Прыснул к синей машине, на ходу вытаскивая перочинный нож, воткнул в шину.

Зашипел воздух, машина медленно наклонилась набок.

Парень побелел от ярости, и в эту секунду Глеб ощутил, как по животу потекла горячая струйка крови. Он резко отшатнулся и ударил парня в ухо. Нож слегка полоснул по коже живота, разрезал рубаху, галстук, зацепил полу пиджака и резанул воздух.

Парень хыкнул, метнул глазами по сторонам и, скособоившись, кинулся к машине Корозова.

Водитель сорвался с места, чтобы опередить, но тот прыгнул за руль в раскрытую дверь авто. Никола проклинал себя за то, что оставил ключ в замке зажигания, эта мысль вывернула его наизнанку, он скрипел зубами. Но было поздно. Парень хлопнул дверью, защелкнул, завел мотор. Никола схватился за ручку, но машина сорвалась с места и увлекла водителя за собой. Он бежал рядом, пока не споткнулся, его отбросило, и он пробороздил носом по асфальту.

Охранник кинулся к пистолету убитого парня, вырвал из холодеющих пальцев и несколько раз выстрелил по задним колесам автомобиля. Увидел, что попал. Машина пошла юзом.

Парень за рулем усиленно выравнивал ее и нажимал на педаль газа, стараясь отъехать дальше. И все же вынужден был остановиться и выскочить из авто.

Никола с охранником бежали по тротуару к нему

Парень кинулся к остановке, прыгнул в автолайн, поднес нож к лицу водителя:

— Дави на педали!

Водитель нажал на акселератор, видя нож, перекошенное лицо и окровавленную рубаху. Пассажиры притихли, отворачиваясь от бешеных глаз налетчика. Через пару кварталов парень выпрыгнул. Водитель дрожащими руками начал звонить в полицию.

Никола с охранником подбежал к автомобилю и принялся менять колесо. После кувыркания по асфальту он был в садинах, пиджак, брюки и рубаха порваны. Но когда охранник предложил ему заклеить ссадины пластырем из аптечки, отмахнулся.

Им обоим было стыдно и досадно, что один раненый переиграл двоих здоровых, что упустили его как лохи. Чертыхались сквозь зубы и не смотрели друг на друга. Так оплошать, так оплошать. Впрочем, все остались живы — и это было самым главным.

— Управишься один? — спросил охранник и, не дожидаясь ответа, пустился к Глебу.

Тот, хмуро поглядывая на собравшуюся толпу любопытных, сказал:

— Сбегай в магазин, пусть найдут, чем накрыть труп.

Охранник стремительно смотался туда и обратно, принес кусок ткани, накрыл тело.

— А где его ствол? — спросил Корозов.

— Вот, — охранник достал из кармана. — Хорошая машинка, без нее не остановили бы гада.

— И отпечатки свои оставил, — буркнул Глеб.

— А как же еще можно было остановить машину? Хорошо хоть так.

— Может, на этом стволе сотни убийств.

— А когда было об этом думать, Глеб? Но ведь ствол до меня был в руках этого убитого бандюгана. Его отпечатки снимут с его пальчиков, пистолет не нужен.

И все-таки заволновался, выхватил из кармана носовой платок и стал тщательно протирать пистолет.

— Давай сюда, конспиратор, — усмехнулся Корозов, развернул свой носовой платок, и охранник положил оружие на него. — Пошли в магазин.

Продавцы и покупатели, до того изумленно наблюдавшие через окно за происходящим на улице, встретили их настороженно. Глеб положил на прилавок пистолет в носовом платке и предупредил, чтобы никто к нему не прикасался.

Но трогать оружие никто и не собирался, все смотрели на Глеба с опаской. Покупатели, а это в основном были женщины, стали бочком-бочком выходить на улицу.

Одна из них, высокая и полная, всю дорогу, пока двигалась по магазину, сокрушенно охала.

Другая, среднего роста немолодая модница, заворуженно глядела на порезанную, окровавленную рубаху на животе Глеба и качала, качала головой.

Скоро в магазине вместе с Глебом и охранником остались только продавцы и ряды вешалок с товарами.

Магазин был большим, просторным, отделан плиткой в белодымчатых тонах от пола до потолка. Одежда на любой вкус: женская, мужская, детская, подростковая.

Корозов огляделся: продавцы пугливо сбились в кучку. Сбросил с плеч пиджак, показал кровоточащий порез на животе, спросил:

— Найдется чем залепить?

Девушки переглянулись, и одна из них, маленькая, толстенькая, с пухленькими щечками с ямочками, с пухленькими

губками и пухленькими пальчиками, проворно закружилась, говоря:

— Сейчас придумаем что-нибудь.

Тут же, как из волшебной шкатулки, у нее в руках появился лейкопластырь и моток бинта. Она не очень умело, словно бы боясь прикоснуться к телу Глеба и причинять ему боль, но старательно заклеила порез.

Он поблагодарил и попросил ее подобрать для него новую белую рубашку и галстук. Прошел в примерочную, сбросил окровавленную, надел то, что принесла пухленькая продавщица. Остался удовлетворенным.

Она просияла своими ямочками на пухленьких щечках, радуясь, что угодила покупателю. Глеб рассчитался и позвонил в полицию своему приятелю, оперативнику Акламину:

— Аристарх, у меня на глазах произошло убийство. Труп лежит на улице. Убийца скрылся. Напарник убитого ранен, но тоже сбежал. Тут целая история, головоломка какая-то, приезжай!

Назвал адрес и отключил телефон. После подумал некоторое время и набрал номер начальника охраны:

— Исай, жду тебя. Одна нога там, другая здесь. Это недалеко, — и повторил адрес.

Исай прибыл очень быстро, едва успел опросить охранника и водителя, как прибыла группа оперативников во главе с Акламиным.

Аристарх осмотрел место преступления, отдал распоряжения операм, а сам прошел в магазин, сел на стул перед прилавком и привычно вытаскил записную книжку. Стал опрашивать продавцов.

Под его пристальными неулыбчивыми глазами они терялись, волнуясь и забывая порядок происшествий. Перескакивали с одного на другое, то убегали вперед, то возвращались назад. Акламину пришлось попотеть, прежде чем он получил стройную картину случившегося.

Отпустив продавцов, повернулся к нетерпеливо толкавшемуся около вешалок с товаром Глебу. Выслушал его рассказ,

делая пометки в книжке. Когда Корозов закончил, сунул ее в карман, проговорил:

— Итак, есть труп с пистолетом, но нет убийцы, нет скрывшегося раненого напарника убитого, нет девушки, уехавшей вместе с убийцей. Картина — лучше не придумаешь. Свидетелей много — толку пока мало.

— Надо искать Ксению, — посоветовал Глеб. — Я ее хорошо запомнил. Можно фоторобот составить. По ее внешнему виду она не из простушек, возможно, из неплохой семьи.

— Ну да, ну да, — прищурился Аристарх. — Или папа с мамой спонсируют, или валютная проститутка, или на содержании у папика. Вариантов масса. Лучше бы ты убийцу хорошо запомнил, Глеб. Его фоторобот сейчас был бы кстати.

— Увы, Аристарх, увы, — досадливо поморщился Корозов, прохаживаясь перед Акламиним. — Убийцу никто не видел. Он не выходил из машины. Все произошло так быстро, как разряд молнии. Вдобавок никого из нас на улице не было, а из авто видимость ограничена. Потому я тебе и говорю про Ксению. Только она сейчас единственная зацепка. Если, конечно, — он накоротко задержал дыхание, — если, конечно она еще жива. Но без нее история тупиковая.

— Не люблю паникеров, Глеб, — сказал Аристарх, качнув головой. — Да, обстоятельства непростые. Но у нас вся работа непростая. Ты забыл о преступнике с ножом. Его фоторобот теперь тоже не будет лишним. Хорошо запомнил его?

Корозов опустил глаза на свой живот с отметинами от его ножа — еще бы не запомнить. Но следом возмущился замечанию Акламина:

— Это кто паникер? — вспыхнул. — Это я паникер? Никогда таким не был! И не буду! А что касается этого хорька, так он теперь мой личный враг. Вот за этот шрам на животе он мне персонально ответит! Конечно, я его запомнил. Его все запомнили. Не забудь, в нем сидит пуля. Сам выковыривать ее он вряд ли станет. Без хирурга не обойтись. Сними отпечатки в его машине, в ней он наверняка наследил, мало не покажется. И в моей

машине пальчики оставил. Возможно, и пятна крови. Так что его, не сомневаюсь, ты возьмешь за шиворот быстро! — Сделал паузу. — Если, конечно, я тебя не опережу.

— Ты и так уже здесь отмечился, — повысил голос Акламин. — Предупреждаю, даже не думай соваться никуда!

С улицы вошел Исай в привычной джинсовой одежде. Аккуратно прикрыл двери, откинул челку со лба, с порога произнес:

— Можешь ехать на моей машине, Глеб. Твою пригоним, когда в ней снимут пальчики.

Корозов отошел от Акламина к рядам вешалок с одеждой. Подозвал Исай:

— Вообще-то все это не наше дело, Исай, мы случайно оказались в этой истории, — проговорил, приглушая голос, чтобы никто не слышал. — Но дело чести отыскать этого ублюдка, он чуть не зарезал меня. Поднатужься немного, только так, чтобы не путаться в ногах у полиции. Если повезет, может, и Ксению где-то выудишь. История темная. Глубоко влезать не стоит, но посмотреть по сторонам не мешает.

Аристарх поднялся со стула, шагнул к Корозову. Он догадался, о чем могли говорить Глеб и его начальник охраны, остановился перед ними, цепко охватил их лица взглядом.

— Повторяю для глухих, — серьезно произнес повышенным тоном, — никуда нос не совать! Но если вдруг появится какая-то информация, немедля ее ко мне на стол, и не предпринимать никаких самостоятельных действий. Никаких!

Задержал глаза на Глебе:

— Я знаю твой характер, Глеб. Предупреждаю: не лезь на рожон! История пока совершенно непонятная. Неизвестно, случайно ты оказался внутри этих событий или нет.

— Ты о чем это, Аристарх? — удивленно отступил на шаг Корозов. — На моем месте мог оказаться любой!

— Мог, — согласился Акламин, — но оказался почему-то именно ты.

— Ну у вас, оперов, мозги вообще набекрень, — расхохотался Глеб. — Надо же придумать такое. Я ехал по городу, никому

не мешал, и никто не знал, на какую дорогу, в какое время и где свернет мой водитель. Я и сам этого не знал. Так что эту свою версию отбрасывай сразу к чертовой матери!

— Это не версия, Глеб. Версии пока нет никакой. Это просто предостережение, чтобы ты был осторожнее, пока все не прояснится окончательно.

— Ну хорошо, хорошо, — отозвался Корозов и распрощался с Аристархом. Подходя к дверям, бросил взгляд на стоявших в сторонке продавцов. Вернулся к ним, сказал: — Мы сегодня нарушили всю вашу торговлю, поэтому, чтобы хоть как-то реабилитироваться, приглашаю вас всех в восемь часов вечера в ресторан за мой счет.

И, выйдя на улицу, позвонил в ресторан, забронировал на вечер столы.

Девчата, проводив его, запрыгали от восторга.

2

Машина, в какую села Ксения, стремительно мчалась по улицам.

Высокий, крепкого сложения парень за рулем молчал, сосредоточенно смотрел через лобовое стекло. У него было приятное лицо с располагающей улыбкой, с чуть загадочным взором черных глаз.

Такие глаза обычно сразу привлекают внимание, ибо они как бы указывают на многие таланты человека. И главное — на сильную волю этого человека, убеждая, что тот знает, что должен делать, как должен делать, почему должен это делать.

Широкий лоб, округлый подбородок, прямой разрез рта.

В подобные лица обычно с первого взгляда влюбляются молодые девушки, сочиняя в своих фантазиях самые невероятные истории об этом человеке.

Ксения, плотно запахнувшись в халат, сидела и мучительно морщила лицо. Съежилась, словно придавленная грузом

собственных мыслей. Ее определенно угнетал дух этого автомобиля, а может, дух этого человека, а может, дух ее собственной жизни. Несколько раз порывалась что-то сказать, но всякий раз глушила в себе этот порыв, отчего лицо становилось еще более безрадостным. Проехали с десятков километров, прежде чем она все-таки выдавила из себя:

— Отпустил бы ты меня, Саша.

Тот как будто не расслышал ее слов, продолжал крепко держаться за руль и неотрывно смотреть на дорогу.

— Тебя, наверно, видели, и машину твою видели, — сказала Ксения и чуть пошевелилась. — Теперь полиция искать тебя будет. Ты убил их, в них пули из твоего пистолета.

Саша минуту продолжал безмолвствовать, потом шумно вдохнул, под его натянутой на спине коричневой рубашкой отчетливо заходили мускулы, как будто не только ушные раковины, но все его мускулистое тело воспринимало ее слова.

— Ты жалеешь их? — наконец спросил он. Голос был ровным, но сухим и недобрый. — Может, ты жалеешь всех, в ком сидят пули из моего пистолета? Тебе хорошо известно, что таких немало.

— Я тебя жалею! — все тем же голосом, с тем же выражением лица, смотря в одну точку, отозвалась девушка.

— Ты хочешь, чтобы я тебе поверил? — Саша зашевелил лопатками, и по лицу пробежала ухмылка

— Я знаю, что ты мне не веришь, но ведь это ты виноват во всем! Это все твои затеи! — Она посмотрела отчужденно, и Саша поймал ее печальный взгляд, а она заметила его невеселые глаза.

— Молчи, — сказал он, — иначе я убью тебя!

Лопатки Саши опять заходили под рубашкой, слова Ксении укололи его.

— Виновата только ты, ты одна, во всем виновата ты одна!

Девушка умолкла на время, но потом ее опять прорвало:

— Отпусти меня, Саша! Я больше так не могу! Я покончу

с собой, если этот ужас будет продолжаться и дальше! Никогда не смогу тебе этого простить! Я убью себя!

Саша резко свернул на обочину дороги и остановил машину. Выскочил из салона, обогнул авто, на всю распахнул дверь с ее стороны, и на Ксению уставились дикие глаза:

— Покончишь с собой?! Ты знаешь, что тогда будет! Я убью твоих родителей, я выпущу из них всю кровь, я убью твоего брата! — Саша схватил ее за воротник халата, долго, неистово тряс, потом плотно притянул к себе и дыхнул в лицо: — Я убью всех!

Ксения двумя руками уперлась ему в грудь, отстранилась и тоже закричала:

— Лучше убей меня, убей меня прямо сейчас. Возьми пистолет и убей. Я больше не вынесу всего этого!

Саша вдруг замер, резко замолчал, мускулы ослабли, он выдохнул воздух и глянул на нее влюбленными глазами:

— Успокойся, девочка моя! Это наша работа. Такая у нас работа, — захлопнул дверь, вернулся на свое место, обнял и прижал к себе. — Я люблю тебя. Я тебя обожаю.

Ксения медленно припала к нему, негромко всхлипнула и потом заплакала:

— Они целую неделю заставляли меня голой выбегать на дорогу и останавливать крутые иномарки. Мне столько пришлось пережить, я боялась, что меня собьют машины, я боялась людей, я всего вокруг боялась.

Саша еще крепче притиснул к себе девушку, провел ладонью по щеке и погладил по голове, как маленького испуганного ребенка:

— Я все знаю, — сказал ласково. — Я всю неделю следил за вами. Но почему они заставляли тебя работать голой? Ведь можно было вполне обойтись без такого представления. Я смотрел и не понимал, зачем ты была голой?

— Так им больше нравилось. — Ксения последний раз негромко всхлипнула, удержала поток слез, вытерла лицо полою халата. — Так машины останавливались сразу, это было неожи-

данно для водителей, завораживало. Никто не уезжал и не догадывался, что попадал в ловушку.

— Я тоже со стороны любовался тобой. Ты несравненна! — Саша засветился, а затем резко спросил: — Они насильовали тебя?

— Нет, это им было не нужно, — Ксения покачала головой, — они занимались только угоном машин. Я останавливала машины, садилась в них, потом пшикала из баллончика в лица водителям, следом появлялись они и делали свои дела. А меня везли в другое место, где опять заставляли выскакивать из машины на дорогу.

— Но сегодня у тебя, очевидно, сорвалось. — Саша разжал объятия, вдавился в спинку сиденья. — Я ехал за вами, потом притормозил, когда вы остановились у магазина, и увидел, как подъехали они и стали угрожать тебе оружием. И я поспешил на выручку.

— Мне просто надоело все это. — На лице у Ксении появилась едва уловимая гримаса гадливости, какая говорила о том, что Саша ошибался. — Я устала. Я обманывала людей и знаю, что когда-нибудь мне придется расплачиваться за это. А потом, в машине было три человека, я решила, что они мне помогут. Ты ведь отдал меня в руки этим негодьям и даже не старался помочь.

— Всего только на десять дней, — Саша спокойно посмотрел на Ксению, как будто ничего особенного не услышал, и напомнил: — Такими были условия. Ты же их хорошо знаешь. Семь дней уже прошло.

— Мне казалось, что они никогда меня не отпустят. — Ксения продолжительно посмотрела ему в глаза, и в ее взоре виделось уныние и изнеможение. — Мне казалось, что это будет продолжаться вечно. — Отвернула лицо.

Саша досадливо двинул лопатками, но что означала эта досада, знал только он один и, может быть, знала Ксения. Но если бы она в этот миг смотрела в его глаза, она бы догадалась, какое сильное разочарование от ее слов ощутил Саша. Между тем его голос был ровным:

— Ты ошибалась, девочка моя, ты же знаешь, как я поступал с теми, кто нарушал условие. Их давно уже нет в живых.

Видя, что Ксения постепенно успокаивается, Саша включил мотор и тронул машину.

Раненый парень, выпрыгнув из автолайна, побежал в жилой квартал мимо шарахавшихся от него людей туда, где было тихо и безлюдно.

Чем дальше углублялся в бестолковость старых отживающих свой век домов, тем меньше попадалось людей.

И только потом остановился и почувствовал сильную усталость. Напряжение, какое собирало в кулак все его тело, начало отступать, и по нему разлилась боль от ранения.

Парень плюхнулся на старенькую скамейку у подъезда одного из невзрачных трехэтажных домов, посмотрел на свое плечо. Кровь продолжала сочиться из раны, пятно на рукаве разрасталось. Он попытался пошевелить рукой — и застонал, в глазах поплыли темные круги.

Из подъезда вышла маленькая щупленькая старушка с мелкими морщинками по всему лицу, с морщинистыми руками, морщинистой шеей, с обвислой плоской грудью под цветной кофточкой, в длинной юбке и белой шляпке от солнца, скрывшей редкие седые волосы. Увидела окровавленное плечо парня, заботливо охнула:

— Да где ж тебя так угораздило, сынок?

Парень вяло моргнул глазами, из-под бровей глянул на старушку:

— Упал, бабуля, — и, чувствуя, что начинает быстро слабнуть, усилием воли оторвал себя от сиденья и двинулся дальше.

Еще несколько домов осталось позади, пока наконец не добрался туда, куда направлялся.

Ступил в подъезд пятиэтажного панельного дома с мрачными серыми стенами, с обшарпанными лестницами, с перекошенными почтовыми ящиками и с трудом поднялся на этаж, цепляясь здоровой рукой за потускневшие перила.

У серой облезлой двери отдышался и нажал на кнопку звонка. Звонил продолжительно, до тех пор пока за дверью не послышалась ругань и не щелкнул замок.

— Я тебе позвоню! — Грубый женский голос вырвался из открывающейся двери: — Я тебе по мозгам позвоню!

Парень шагнул через порог и повалился на высокую, широкой кости девушку в длинном замусоленном халате, расстегнутом на выпирающей широкой груди, из-под коего торчала белая сатиновая в мелкий синий цветочек ночная рубашка. Широкую талию перехватывал пояс, завязанный на животе на два узла и отличавшийся по цвету от тона халата. Лицо было с широкими скулами и черными усиками под широким носом. Широкие плечи расправлены, откинута назад. Широкие бедра ясно показывали, что ноги под халатом не менее мощные и прочные. Вся фигура девушки говорила об ее внушительности и уверенности в себе.

Увидав парня, она мгновенно приглушила голос:

— Это ты, Глот? Ты зачем приперся на эту хату? У тебя что, своей норы нет?

Подхватила его и закричала, поворачивая лицо в сторону комнаты:

— Карась, принимай Глота, он, кажется, ранен!

Из комнаты высунулся полуодетый молодой человек с лицом как из-под топора — как будто папа Карло начал делать Буратино, но бросил, едва успев обсесть полено колуном. Запихивая синюю майку в черные трусы, подбежал и подхватил из женских рук Глота. Все его движения были тупыми и тяжелыми.

Девушка встревоженно выглянула на лестничную площадку, прислушалась и, успокаиваясь, закрыла дверь.

Карась держал Глота под руки, раздумывал, не двигался с места.

Девушка определенно не испытывала удовольствия, оттого что гость притащился к ним в таком виде. На лице проступало раздражение и опасение. Между тем метнула едкий взгляд на Карася:

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru